

Сергей Герасимов

Бабочка и мыш

Сергей Владимирович Герасимов

Бабочка и мыш

Авторский вариант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156349

Содержание

Бабочка и мышь	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Герасимов

Бабочка и мышь

Смотрите, вот он идет по коридору клиники: его лицо совсем непохоже на лица остальных хирургов – у хирургов ведь физиономии волевые и безжалостные, я бы сказал, даже с медицинским задором в глазах, – вот мол, мил человек, поговорил и хватит, а теперь я тебя разрежу, все равно разрежу, поди-ка сюда!

Их взгляды остры как ланцет, их губы тонки и сжаты как хирургический зажим. Но лицо доктора Кунца, напротив, было таким мягким и печальным, что казалось, он вот-вот расплачется. Печальным, но не скорбным – казалось, он переполнен сочувствием ко всем бедам и горестям, запертым в палатах клиники, и его сердце просто разрывается от желания помочь. На самом деле в лице доктора Кунца имелся легкий анатомический дефект: его глаза не располагались вдоль одной оси, как у большинства людей, а были чуть повернуты внутренними уголками вверх. Если он устремлял свой взгляд на пациента, тот сразу проникался доверием к доктору и начинал жаловаться на свои неисчислимы болячки; доктор, слушая, все шире раскрывал глаза и от этого становился еще печальнее – так, что даже хотелось его пожалеть. Но, стоило доктору Кунцу заговорить, как маска грусти

сразу слетала с его лица – и вы видели перед собой нормального оптимиста средних лет, среднего роста, средних способностей и довольно среднего кругозора. Впрочем, оперировал он хорошо, а это главное.

Жил доктор Кунц в неплохом, по нашим временам, частном домике на окраине города. Дом был прочен, приземист и по-мужицки широк в кости. В домике был один большой этаж, слегка вросший в землю, еще один этажик, недоразвитый, и сверху этого аппендикс, который этажом уж никак не назовешь.

К дому вела дорога, со старыми кленами по сторонам. Хотя дни стояли теплые, под деревьями уже выросли целые сугробы из кленовых листьев. Те же листья, но укатанные колесами машин, плоско прилипали к асфальту, вообще не имели толщины и смотрелись как рисунок или инкрустация на мокром искусственном камне. Каждый лист был красив и значим, как слово, а подвижные блики солнца расставляли в одной громадной фразе ослепительные знаки пунктуации. От этой стереоскопической, почти четырехмерной желтизны веяло спокойствием и фундаментальной тишиной жизни – мелкие шуршания листьев тишины не нарушали – они несли тишину на себе, и казалось, будто полчище карликов осторожно уносит спящего гиганта. Так уходила осень, разбрасывая напоследок последние ясные дни.

Сейчас доктор Кунц сидел в своем кабинете у открытого окна и смотрел, как тихий вечер катит медленное колесо

грусти – и планы доктора – хрусть-хрусть! – один за другим попадали под это колесо. Хрусть! – и от такого бодрого плана остается лишь мокрое место. Обдумать схему послезавтрашней операции, перевести аннотацию, позвонить N, и прочее, и прочее – но доктор Кунц не делал ничего. Он лишь сидел у окна, ощущая себя романтиком и ловил в своей душе возвышенные мысли; пойманные мысли трепыхались, похожие на русалок, и влекли куда-то в дальнюю розовость.

Впрочем, позвонить все же надо было. Надо обязательно, чтобы замять скандал, назревший как большой фурункул. Дело в том, что теоретически, местная медицина бесплатна, но – не смешите меня – за каждую операцию, конечно же, назначен тариф. И каждый пациент, даже самый бедный, ухитряется деньги найти.

Гонорар хирурга зависит от сложности операции. И все правильно. Ведь не бедствуют же хирурги в цивилизованном мире. Конечно, нельзя требовать от человека слишком высокую цену. Вот как получилось на прошлой неделе: Надеждина слишком много запросила за операцию аппендиктомии. Обыкновеннейший аппендицит, ни малейшей угрозы прободения или еще каких-либо сложностей. Обратились вовремя, на рентгене порядок, бери и режь – не аппендицит, а конфетка. Родители мальчика согласились дать сто двадцать долларов, но лишь с тем условием, что принесут деньги Надеждиной прямо домой. Такие условия всегда подозрительны, но Надеждина была ослеплена суммой. Ей вручили день-

ги в конверте и попросили пересчитать. Потом появился человек с видеокамерой и продемонстрировал запись.

Надеждина стала плакать – у нее маленький сын. Родители больного отобрали деньги и потребовали еще полторы тысячи, как моральную компенсацию. Таких денег у Надеждиной не было. На следующий день в клинику явился мужчина в штатском и беседовал с директором.

– Я не могу им заплатить, – сказала Надеждина, – у меня маленький сын.

– Тогда вас банально посадят, – выразилась директор клиники.

– Тогда я заложу всех, – сказала Надеждина, – и вас в первую очередь.

– Хорошо, я заплачу за вас сама, в долг, – сказала директор клиники, – но вы уволены и не рассчитывайте на хорошую характеристику. Плюс, с вас два процента в месяц, пока не отдадите. Два процента с полутора тысяч, это...

– У меня маленький сын, – сказала Надеждина, – я вам горло перегрызу. Я уйду только с хорошей характеристикой плюс три тысячи.

– Что? – изумилась директор.

– Три тысячи долларов – и я никого не заложу.

Надеждина начала кричать.

Ее оставили пока на работе, но, чтобы история погрузилась на дно коллективной памяти, как ей и положено, требовалось вмешательство посредника.

Для этой роли идеально подходил доктор Кунц. Если каждый станет требовать по три тысячи за молчание...

– Жена! – позвал доктор. – Телефон принеси.

– У меня имя есть, – отозвалась жена и не пошевелилась.

Доктор Кунц продолжал сидеть у окна. На дороге остановилась машина и из нее вышла девушка. Доктор открыл медицинскую книгу в зеленой обложке и попытался сосредоточиться на букве «ж».

Итак, из машины вышла девушка и медленно пошла в сторону его дома. Доктор попытался снова найти взглядом букву «ж», но на этот раз не удалось.

Девушка шла в сторону его дома; ага, это та самая, которая легла на обследование в пятьсот шестую палату. Красивая, милая, странная, томная и, еще раз, странная. Хорошая, но обречена. Обследование показало рак аорты. Еще месяц, самое большее, и аорта расслоится, прорвется, кровь пойдет во внутренние полости; сердце почти перестанет прослушиваться, потому что будет плавать в мешке из крови, потом неделя или две постельного режима – и смерть. Она еще не знает деталей и сроков, иначе не была бы так спокойна. Красивые ноги, жаль, пропадут.

Никакого сравнения с женой. Как может здоровый мужчина жить с такой рептилией? Господи, бывает же такое на свете! – он представил себе женские ноги и восклицательная мысль относилась к ним.

– Жена! – позвал доктор Кунц.

Жена вошла в комнату.

– У меня имя есть.

– Я сегодня буду работать, РЕГИНОЧКА, – сказал он, нажимая на последнее слово, – а ты должна съездить к Надеждиной и передать ей письмо. Вы ведь подруги, пусть это исходит от тебя.

– Почему не по почте?

– Это очень деликатное письмо.

– У тебя что, с ней секс? – спросила Регина и наклонила голову влево, как делала всегда, когда хотела скрыть свои эмоции. В этой позе, кстати, ужасно раздражающей мужа, она могла стоять часами – во время долгих семейных ссор. Ее глаза оставались непроницаемы, а губы лишь слегка кривились в улыбке недоумения и время от времени выпускали очередную липкую гадость. И только тогда, когда доктор Кунц говорил что-либо действительно очень обидное для нее, Регина делала такую гримасу, какую делает человек, желающий почесать себе спину, но не имеющий возможности дотянуться. А что касается ног, то Регина имела фигуру, равномерно расширяющуюся книзу. Ну что же, подумал доктор Кунц, великий Фрейд тоже не спал со своей ненаглядной после тридцати пяти лет.

Доктору было уже сорок, и столько же его жене.

Регина все же взяла письмо и отправилась к Надеждиной. У крыльца она встретила девушку из машины.

– Вы к доктору? – спросила она.

– Я по личному вопросу.

Девушка взглянула вниз и поковыряла песок носочком туфельки. Регина тоже взглянула вниз, но ничего интересного не увидела – прель одна.

– Он сейчас занят и никаких личных вопросов решать не будет. Вы кто такая?

– Я его пациентка. Меня зовут Алиса.

– Детей так не называют, – ответила Регина с точно рассчитанной ядовитостью.

– Мне семнадцать лет, я не ребенок.

– Какое у вас дело?

– Я скажу только доктору.

– Я вас не пущу.

Алиса открыла сумочку и вынула двадцатку.

– Можно теперь?

– Смотря что. Можно, но я буду присутствовать.

– А если так, чтобы вы не присутствовали?

Регина повернула голову набок и прикрыла глаза – это означало, что она задумалась. Ее мозг пытался правильно решить задачу со многими неизвестными.

– Допустим, я уйду и скоро вернусь?

– Допустим, вы не вернетесь до утра? – сказала Алиса.

Алиса была очень стройна, даже чересчур стройна – казалось, ее талию можно было полностью охватить двумя ладонями. Та же тонкость была в каждой черточке ее лица – лицо бледное, будто изваянное из полупрозрачного камня. Такие с первого взгляда нравятся мужчине, но со второго нравятся уже не так сильно. Длинные светлые волосы, должно быть, мягкие и тонкие. Если бы на луне водились женщины, они были бы именно такими хрупкими и тонкими – на луне тяготение в двенадцать раз меньше земного. Посмотрела бы я, как ты воду таскаешь ведрами, – подумала Регина, – тебя бы сразу скрючило. И хотя сама Регина никогда не таскала воду ведрами, она успокоилась от этой мысли. – Допустим, вы не вернетесь до утра?

– Это будет стоить вам очень дорого, лапочка.

– Но у меня особый случай. Я скоро умру.

– Что-то не похоже.

– У меня рак аорты.

– Тогда сто долларов, – сказала Регина. – Я сама женщина, я все понимаю. Я не вернусь до утра.

* * *

Алиса вошла на крыльцо. Она остановилась, чтобы послушать тишину. Сейчас она часто останавливалась, чтобы

услышать или увидеть что-нибудь в этом мире – и обязательно запомнить, хотя запоминать ей было незачем. За ту черту все равно ничего не унесешь; просто мир, перед тем как взорваться болью и задержаться омерзительным кровавым клубком, показывал лучшее, что в нем было – смотри и слушай, такого не будет больше никогда. И она хотела все увидеть, все услышать и все понять. Она слышала тишину и желтый снегопад кленовых листьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.